

не вижу. Нечего оберегать свою репутацію, когда дѣло идетъ о жизни Бруно.

Гермина точно очнулась послѣ страшнаго кошмара. Какая то бѣшеная радость охватила все ея существо: она не замѣчала смертной блѣдности, покрывавшей лицо Альфреда, она не признавала тяжести приносимой имъ жертвы. Она могла только думать объ одномъ, и эта мысль заслонила передъ ней весь міръ: Бруно спасенъ!

На слѣдующій день планъ Альфреда былъ приведенъ въ исполненіе, и только когда деньги были отосланы, Гермина вспомнила объ Альфредѣ и о величинѣ принесенной имъ жертвы. Онъ, этотъ образецъ честности, сдѣлался воромъ, попадетъ на скамью подсудимыхъ, въ тюрьму... И все это онъ сдѣлалъ для того, чтобъ спасти ея Бруно. Прошло нѣсколько дней, и Альфредъ не являлся къ ней. Безъ сомнѣнія, размышляла Гермина, онъ не хочетъ больше видѣться, онъ проклинаетъ ее, навлекшую несчастье на все семейство, едва не погубившую жизнь Бруно, послужившую причиной его позора!..

А что, если Бруно ошибся, если бумаги Пуммерера не докажутъ виновности Ульменгольца?.. Тогда приобрѣтеніе этихъ бумагъ все-таки не спасетъ Бруно отъ смерти, и жертва Альфреда совершенно напрасна...

По цѣлымъ днямъ и ночамъ она терзала себя этими мучительными думами. По сту разъ въ день она перебирала ихъ въ своей головѣ, и каждый разъ приходила къ заключенію, что во всемъ виновата она сама. «Я не принадлежу къ тѣмъ натурамъ, которыя рождены для счастья, для которыхъ доступны обыкновенныя радости жизни, говорила она себѣ. Я точно чума всюду ношу съ собой несчастье, смерть, гибель. Одно моего прикосновенія, одного сближенія съ мною достаточно, чтобъ погубить человѣка!..»

Какъ всегда въ моментъ душевной тревоги, въ ней теперь проснулось непреодолимое стремленіе къ ея любимой стихіи, къ морю. Ей снова слышались слова старой пѣсни, которую часто повторялъ ея отецъ, и въ которыхъ воспѣвалось «далекое море, дикое, пустынное и одинокое, которое не расцвѣтаетъ и не блекнетъ, — вѣчная, неукрашенная могила».

«Да, — говорила себѣ Гермина, — оно пустынно и ничѣмъ неукрашено, какъ безконечная истина. Нашъ міръ и наша жизнь тоже могила, но могила, наполненная убогой и обманчивой мишурой, украшенная улыбкой притворнаго счастья и безконечной суеты!..»